

Феликс ЧЕЧИК

Феликс Чечик родился в Пинске (Беларусь). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публикации в журналах «Арион», «Знамя», «Крещатик», «Новая юность», «Интерпоэзия», «Вестник Европы», «Новый берег» и др. Лауреат «Русской премии» (2011). С 1997 года живет в Израиле. В «Волге» публикуется с 2008 года.

Ю. Н.

Говоря о цене, и не только в базарный,
а в простой, заурядный, обыденный день –
на: проверенный, старый и нерегулярный,
что наводит, пока еще, тень на плетень –
стих, – не скрою, что я ни о чем не жалею,
а, напротив – завидую самому, –
не согласишься – себе, и рифмую аллею
в октябре с тишиной, полагаясь на тьму.
Регулярностью не отличаясь, но все же –
он – не часто, порой: и тебя и меня –
охмуряет, бодрит – и морозом по коже
и отечества дымом, где дым без огня.
Полагаю, что я не один и не двое
нас, поставивших «на»; мы стоим на кону,
не теряя надежд. Но берет за живое
иногда, что не нужно уже никому.
Ничего. Как-нибудь. Не впервой. Не напрасно.
Нам ли это не знать? Сколько лет, сколько зим.
Это даже прекрасно, что огнеопасно
и, что медленно, но неизбежно – сгорим,
согревая, кого-нибудь, где-нибудь, – даже –
если только – себя, а вокруг никого.
И, обнявшись, стоим в регулярном пейзаже
и с «любовью» – еще бы! – рифмуем его.

О пользе курения

Затянись поглубже «Явой»;
сосчитав до десяти,
выдохни, и одноглавым
Змей Горынычем лети.
Над лугами, над лесами,
притяжение поправ,
упиваясь небесами,
забивая на Минздрав.

В этом бизнесе ты – лет, как минимум – сто
(пушки залпами по воробью)
желторотый птенец – все надеешься, что
снимешь лучшую фильму свою.
Ты же знаешь, что – съемки важнее, а не
результат. Сомневаешься? Нет! –
где на белой, как утренний снег, простыне
вороньем проступает «The End».
Ты же веришь, и вера крепка, что броня
и что пух тополиный легка.
Батальоны молчат. А ты просишь огня
ураганного, наверняка.
Только так – не иначе! И ангельский хор
запоеет, чуть фальшивя, вот-вот.
Приготовились к съемке! Хлопушка! Мотор!
И корабль по пустыне плывет.

тишина познается в сравнении
по сравнению с криком она
распрекрасное стихотворение
или на море вид из окна
ничего нет прекраснее полноте
словно пули мгновенное вжик
тишина одиночества в комнате
двух людей бесконечно чужих

Такое случается, – только
под новый – немыслимый год,
когда ярко-желтая долька
луны над землёю взойдёт.
Когда в мандариновой роце,
как будто в сосновом бору,
простая, – куда уже проще, –
колибри поёт на ветру:
какие-то нежные вещи,
какие-то звонкие «ля»,
и в небе – синицы похлеще –
выписывает кренделя.
Такое случается, если
больны ожиданьем зимы:
не предновогодние песни,
а богом забытые мы.
Такое случается снова
и снова, покуда горим.
И вечное пахнет слово

и празднично, как мандарин.

от фиников прогнулись ветки
как небеса от облаков
мы будем счастливы во веки
несуществующих веков
и наши прошлые невзгоды
и нелюбови и тоски
совсем как нынешние воды
уйдут в непризные пески

Молодость моя...

1.

Металлические перья
не просохли от чернил,
но уже в любовь не веря,
мальчик сердце зачынiў.
Но уже на сердце хмары
и ноябрьские дажджы.
Он идёт один – без пары, –
вермут пить за гаражи.
Дождь прошёл. И небо чисто.
Чисто-чисто, как зима.
И счастливее горниста
ўжо на ўсёй зямлі няма.

2.

Бабушка Фрума
и дядя Аврэмул:
думают думу,
не глядя на время.
Молча сидят
и гоняют чай.
Утренний сад,
где поют соловьи.
Дядя Аврэмул
и бабушка Фрума.
Памяти бремя
и горестей сумма.
Белый налив
и гудение пчёл.
Жизни мотив
на любовь обречён.
Небо над садом
бездонно и звёздно.
Вечные – рядом

и все-таки – розно.
Вместе опять,
и уже до конца.
Всё. Надо спать.
Засыпают сердца.

Израэль, Хаим, Хона,
Ида, Шлёма, Тамара,
Миша, Галя, Сима,
Хома, Геня...

3.

– Не Белоруссия!
– А как?
– А Беларусь!
– Ну да.
И отразилась в облаках
полесская вода.
А я на берегу стою,
и спорить не берусь.
И в кровь жидовскую мою
впадает Беларусь.

Уволь, я в эти игры не
играю, но приходит снова
и снова ластится ко мне
в овечьей шкуре волчье слово.
Я снова вою на луну,
а если повезёт – кукую,
как таковую жизнь одну –
единственную, никакую.